

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РОССИИ

БЛИЗИТСЯ 100-летие Александра Блока. Имя его вызывает в нашей душе целую гамму чувств — и упоение музыкой стиха, и

ощущение того, что вдыхаешь чистейший воздух, озонированный поэзией и революцией, и чувство приобщения к красоте жизни и ее драматизму, к величайшим нравственным и социальным коллизиям века, которые и сегодня волнуют человечество в не меньшей степени, чем во времена Блока. Влюбленность в его стихи с годами не проходит, а нарастает. Все больше раскрываются глубокий социально-нравственный смысл его поэзии и ее красота, о которой так хорошо сказал Горький: «...Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив». Время стирает «случайные черты» с его облика, и он предстает перед нами как поэт бесстрашной искренности и правдивости, воплотивший в себе лучшие черты передовой русской интеллигенции — ее преданность Родине и своему народу, ее неукротимый порыв к свободе, ее благородный гнев против «сытых» и власть имущих, ее отвращение к буржуазной бездуховности. Из-за голубых туманов и синих призраков символики все отчетливее выступает фигура великого национального поэта. И это требует дальнейшего историко-литературного, социального, философского и эстетического осмысления того художественного мира, который являют поэзия, драматургия и проза Блока.

Ст певца Прекрасной Дамы к певцу России и Революции — это не укладывалось в сознании многих его современников да и в наше время получает разное объяснение у историков литературы и критиков. Но поэзия Блока при всех разительных контрастах ее развития была едина по своей устремленности. Поэт сам неоднократно указывал на это, заявляя, что три книги его стихов посвящены одному кругу чувств и мыслей, что он никогда не изменялся по существу, что он «всегда был последователен в основном». Его всегда отличали необыкновенная социальная чуткость, ненависть к страшному миру буржуазной сытости, духовного и физического рабства и порыв к неким сперва излечным для него высшим началам человеческой жизни. Читая

книги его стихов, нетрудно заметить, как назревало и крепло в нем ощущение трагизма окружающей его жизни и неизбежности близящихся социальных потрясений. Уже в первых стихотворениях «витают образ грозовой» и «ясно чует слух поэта далекий гул в своем пути». Уже в них запекает свою вещь песнь чудесная птица Гамаюн, с прекрасным образом которой мы ассоциируем ныне самого поэта, предсказавшего «неслыханные перемены», что потрясли мир.

Именно поэтому зрелый Блок не перечеркивает Блока юного. При всей противоречивости творческого развития поэт оставался верен самому себе. Но, оставаясь верным себе, он стремительно двигался вперед — к реальной жизни, к народу. Когда в 1911 году в письме к Андрею Белому Блок назвал три книги своих стихов «трилогией вочеловечения», то словом «вочеловечение» он определил свой путь как рождение в нем «человека общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру». «Вочеловечение» — процесс мучительный, сложный и радостный — определило единство поэзии Блока как исповеди потрясенной и зачарованной души: потрясенной ужасами страшного мира и зачарованной красотой народной стихии, к которой она приобщилась. В процессе «вочеловечения» у поэта рождалось ощущение.

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И все уж не мое, а наше
И с миром утвердилась связь...

Этого чудесного ощущения связи с миром не мог дать поэту символизм. Еще в 1907—1908 годах Блок ощутил узость символизма, отсутствие в нем живого и деятельного начала и стал искать сближения с реалистами. «Символисты идут к реализму, — писал он, — потому

что им опостылел спертый воздух «келий», им хочется вольного воздуха, широкой деятельностью, здоровой работы». «Мы вправе стать реалистами в новом смысле», — повторял он в письме к Станиславскому и соглашался с ним, что все «измы» в искусстве включаются в «утонченный, обогороженный, очищенный реализм». А через пять лет поэт решительно записывает в свой дневник: «Пора развязать руки... Никаких символизмов больше». Но было бы наивно понимать эти высказывания Блока как свидетельство того, что в это время он сделался реалистом. Дело обстояло значительно сложнее. Во-первых, Блок с самого начала не уместился в рамках символистского направления. Во-вторых, если в поэме «Возмездие» наиболее полно проявились реалистические тенденции творчества зрелого Блока, то поэма «Двенадцать» — образец революционной романтики. И не случайно в 1919 году в статье «О романтизме» он рассматривает романтизм не только как литературное течение, но и шире — как новый способ переживания жизни и связи человека со стихией, как дух, который взрывает застывающие формы жизни. А подлинный реализм, заключающийся, по мнению Блока, «не в простом подражании природе, но в преображении природы», является, по его словам, наследником романтизма и в то же время составляет его самое сердце.

Думается, что в этих размышлениях большого художника выразилось стремление направить все силы революционного искусства на поэтическое постижение и воплощение величия революционных событий и их значения для судьбы мира. А средством этого постижения и воплощения мыслился такой важнейший вид художественной образности, как символ. Отказ от символизма не

означал отказа от символа. Поэт шел к символам реалистического и романтического характера, к символам «Родины», «Возмездия», «Скифов» и «Двенадцати», воплотивших тему России и Революции.

Путь Блока пролегал, как он сам сказал, среди революций. И это был действительно «верный путь». Тема России как основная, главная пришла к Блоку с революцией. К теме этой он обращался и в ранних стихах. Но именно революция дала ему ощущение величия России, ярким светом озарила ее историю и ее будущее. Если в образах Прекрасной Дамы, Вечно Юной, Незнакомки поэту мерещилась красота, призванная спасти мир, то с течением времени она все больше стала раскрываться как красота России, ее странств, ее порывов, как красота народной души.

Образ России в блоковской поэзии поражает своей многогранностью, поэтическим обаянием и философской глубиной. Неброская, но такая близкая нашему сердцу красота русской природы, бескрайние пространства, над которыми то царит загадочная тишина, то всполыхивают зловещие зарева, то воют и свистят буиные ветры и вихри, великие и трагические события нашей истории, в которых прошлое пересекается с будущим, что-то очень древнее, овеянное народными преданиями, и нечто дремлющее, но готовое проснуться, нищета и страдания народа и широта его души с ее неуправляемым порывом к воле — такова Россия в стихах Блока.

Россия в поэзии Блока противостала «страшному миру», вступила с ним в борьбу. «Страшный мир» был для него миром торжествующей сытости, пошлости, угнетения, нищеты. Этот мир чаще всего ассоциировался у него с образом буржуа, которого поэт страстно ненави-

дел и презирал. «У буржуа, — писал он, — почва под ногами определенная, как у свиньи — навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне». «Страшный мир» буржуазной действительности во всех его проявлениях поэт обличал. Этот мир он призвал разрушить.

Нельзя сказать, что Блок идеализировал современную ему Россию, не замечая темных, гротескных сторон русской действительности. Так почему же образ России выступает в его поэзии как некое светлое начало, противостоящее мраку «страшного мира»? Размышляя о жизнеутверждающем пафосе русской литературы, поэт объяснял его тем, что великие художники России, погружаясь во мрак, знали свет, ибо верили, что «рано или поздно, все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна». Ощущение того, что жизнь при всей своей трагичности прекрасна, и воплотилось в поэзии Блока в образе России. Душа поэта слилась в нем с душой народа, а прошлое сошло с будущим.

Чувством приобщения к судьбе своей страны, к ее мучениям и чаяниям, к ее загадочной могучей жизненной силе, чувством необыкновенной душевной просветленности веет от стихотворения «Русь»:

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Поэтическим признанием в любви к Родине звучат известные строки из стихотворения «Россия»:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» — обращается поэт к родной стране, снова и